

Поль Отавис с трудом разлепил глаза в деревянном навесе.

Хотя каждая кость в его теле ныла от усталости, сон упорно не шёл.

Он прислушивался к тому, как горячий ветер за пределами хижины проносится над бесплодными хребтами Горы Хэйлун, и этот свист почему-то заставил его вспомнить, как ваньланы отрубили голову их собственному королю.

Его страна — Пики Метели.

В памяти от неё осталось лишь поблекшее знамя да невнятный мотив, который напевала мать; всё это растворилось в пепле истории ещё добрый десяток лет назад.

А он, Поль, с той поры стал Рабом-Хворостинкой. На его лбу красовалось клеймо в виде унижительного пламени — на нибелунгском языке это означало вечного слугу.

Впрочем, судьба была предreshена уже давно.

Поль Отавис почти уговорил себя смиренно продолжать этот путь. Ведь его лучик света, его сын Лорен, через год должен был справить десятилетие.

Тогда раскалённое железо коснется и чистого лба мальчика, передавая отцовские оковы и клеймо Раба-Хворостинки из поколения в поколение.

У него почти не осталось сил даже на гнев — лишь тяжёлая, лишённая надежды усталость.

Но всё изменилось.

Три дня назад в лагерь рабской силы с проповедью прибыл странствующий жрец в строгой чёрной рясе.

Стоя на возвышении, он читал четвёртую главу «Евангелия Бессмертия», и в его словах представал мир, о котором Раб-Хворостинка не смел и мечтать: чистота души, сияние знаний и даже возможность прикоснуться к вечности.

Большинство рабов засыпали на ходу, но Лорен — его тощий мальчик — смотрел на жреца так, что его глаза казались пугающе яркими.

Жрец прочёл сложную и пространную «Главу Ковки Души» всего один раз, а Лорен смог повторить её слово в слово, и труднопроизносимые, мудрёные слоги слетали с его губ так легко, будто были у него врождёнными.

Серо-голубые глаза жреца резко сузились.

Перед уходом он даже потрепал Лорена по светлым волосам, а затем повернулся к Полю и тихо произнёс: «Душа этого ребёнка — негранённая звёздная искра. Он достоин отправиться в Святой город Элиуднир и пройти испытание. Если преуспеет, то сбросит оковы смертной плоти и ступит на путь бессмертия».

Но надежда порой ранит сильнее, чем отчаяние.

Сердце Поля, превратившееся в стоячую воду, от этой внезапной возможности обожгло жгучей болью.

Рабам-Хворостинкам запрещено учиться грамоте — разве что они обретут свободу.

Но... разве это легко?

Жрец с жалостью, но беспощадно добавил: для освобождения от рабства нужны заслуги. Или — огромное богатство, достаточное, чтобы выкупить свободу сына Раба-Хворостинки и замолвить словечко перед поручителем из академии.

«Но откуда взяться богатству?»

Взгляд жреца словно случайно упал вдаль, на Гору Хэйлун, что вечно окутана багровыми клубами дыма.

«Древняя земля хранит древние тайны, а также забытые сокровища. Говорят, когда-то там находилась последняя столица Дворфов Черного Железа. Они были богаты, но пали жертвой собственной жадности, прикоснувшись к запретному».

Гора Хэйлун.

Действующий вулкан, который рабы в страхе называли Извергающим Золото Зверем.

В последнее время он проявлял необычайную активность, участились землетрясения, а из трещин у подножия сочилась ручейки расплавленного золота. Среди надсмотрщиков даже ходили слухи, будто вулкан вот-вот вывернет наружу подземную сокровищницу дворфов.

Но дальше слухов дело не заходило.

Это место единогласно признавалось смертельной ловушкой: помимо смертоносных газов и разверзающихся в любой момент трещин в земле, там водились разнообразные чудища,

искажённые радиацией и проклятиями. А что таилось ещё глубже... никто не знал.

Поль Отавис не страдал самоуверенностью и давно привык смотреть лишь себе под ноги, на покрытую угольной пылью тропку.

Он колебался...

Пока в тот день старый туннель в глубине рудника не обрушился с глухим грохотом.

Подобное случалось часто, и надсмотрщики тут же погнали стоявших неподалёку рабов разбирать завал. Поль оказался среди них.

Камень за камнем они оттаскивали обломки, пока он не увидел маленькую руку.

Детская рука безвольно свисала с края каменной плиты, а под ней лежало нечто, едва напоминающее человека — лишь сплошное тёмно-красное месиво.

Кто-то тихо обронил, что это был тот тощий паренёк, который вечно любил тайком рисовать на земле угольком птичек и которому всего пару дней назад исполнилось одиннадцать лет.

Да и клеймо на его лбу не обновилось и за год.

Надсмотрщик с раздражением рывкнул, велел оттащить эту мешающуюся пададь в погребальную яму.

Двое рабов тупо двинулись вперёд, волоча по земле то, что недавно было ребёнком. Кровавый след тянулся прямо к ногам Поля, и в нос ему ударил теплый, приторный запах.

Взгляд Поля скользнул поверх толпы и упал на тень удалённого навеса.

Его собственный лучик света, его сын Лорен, сидел у небольшой кучки руды и, сосредоточенно водя прутиком по пыли, что-то выводил.

Полуденное палящее солнце падало на его профиль, освещая слегка дрожащие ресницы и плотно сжатые губы. Его лоб всё ещё оставался чистым, клеймо позора пока не коснулось его.

В этой грязи мальчик казался до боли хрупким, почти святым.

Я могу умереть ради сына.

Эта мысль внезапно осветила самый потаённый уголок души Поля Отависа.

Впервые судьба прочертила крошечную трещину прямо перед глазами Поля Отависа.

Он больше не смотрел под ноги — его взгляд устремился вдаль, на Гору Хэйлун, над которой круглый год клубился жутковатый багровый дым.

Безумный план зародился в глубине его отчаяния.

Если...

Папа?

Сонный шёпот Лорена донёсся сбоку, хрупкое тело ребёнка сжалось под рваным одеялом. Почему ты ещё не спишь? Завтра ведь снова таскать руду.

Поль повернулся и грубой, но нежной ладонью коснулся лба сына, словно желая заранее стереть оттуда ещё не нанесённый отпечаток.

Скоро лягу, Лорен. Папа... думает об одном деле.

О чём?

О... дороге, на которой не нужно таскать руду.

Лорен в темноте помолчал немного, а затем зашуршал одеялом, придвинулся к отцу и обвинив тощую ручонку вокруг его руки.

Папа, мы с Эльзой сегодня... у входа в шахту видели господина рыцаря.

Тело Поля слегка напряглось.

У входа в шахту.

Рабам туда и близко подходить не разрешалось — разве что при погрузке руды.

Воздух там казался совсем другим: пахло кожей, кованым железом и чем-то... принадлежащим иному миру.

Он не похож на тех надсмотрщиков. Он сидел на очень высокой серой лошади, и её грива была заплетена в косички. Его доспехи так блестели, что глаза резало на солнце. Эльза украдкой глянула, так я ей рот ладонью закрыл.

Поль молчал, слушая.

Его звали... Рейнард, я слышал, как надсмотрщик так его окликнул. Он выполняет поручения сэра Варелы. Он нас заметил.

Сердце Поля сжалось в комок.

Он... он что-нибудь...

Нет, папа, он нас не прогнал. Он просто посмотрел на нас немного, а потом... потом достал из сумки у седла две штуки и бросил нам.

Что такое?

Еда.

В голосе Лорена проскользнула застенчивая улыбка. Я не знаю, как это называется. Снаружи обернуто масляной бумагой, а внутри мягкое, сладковатое, и ещё... ещё молоком пахнет. Эльза чуть не съела всё за раз, пришлось её по руке шлёпнуть.

Поль закрыл глаза.

Она заплакала. А потом я тоже. Но мы откусили только по чуть-чуть, а остальное спрятали.

Спрятали?

Угу.

Рука Лорена выскользнула из рукава, пошарила под дырявым одеялом и сунула в ладонь Полю маленький свёрток в промасленной бумаге. Оставили папе.

Сжимая его, Поль чувствовал себя так, будто держал в руке уголёк, а дыхание ребёнка тем временем становилось всё более ровным и глубоким.

Поль Отавис лежал в темноте, позволяя жгучей боли подступить от груди к горлу, и с трудом сглатывал её.

На следующий день Поль Отавис отыскал бригадира надсмотрщиков — старого солдата со шрамом на лице и вечным амбре перегара по имени Карлсон.

Когда Поль высказал свою просьбу, Карлсон сперва остоленел, а затем разразился хриплым смехом.

Казалось, он услышал самую нелепую шутку на свете.

Гора Хэйлун? Хочешь стать добавкой к обеду для всякой твари или мечтаешь превратиться в человеческий уголёк? — насмешливо бросил он, но в мутных глазах блеснул хищный огонёк.

Дураков, ищущих смерти добровольно, всегда хватало... Когда сэр Варела много лет назад купил этот глухой рудник и партию Рабов-Хворостинок, его привлекала не только скудная руда под землёй, но и близость рудника к Горе Хэйлун.

Десятилетиями сэр то в открытую, то тайком поощрял экспедиции и даже объявлял награды, жажда найти хоть следы легендарной столицы дворфов. Однако все смельчаки, отважившиеся углубиться в горы, либо возвращались с позором, либо исчезали навсегда.

Терпение и интерес сэра, судя по всему, иссякали, и лишь Карлсон изредка вспоминал об этом старом деле.

Теперь же раб сам лез в петлю? Карлсон был только рад.

Выгорит дело — глядишь, удастся отыскать крохи, способные ублажить увядающий интерес сэра.

Не выгорит — так хоть избавится от стареющего работника и заодно послужит примером для остальных рабов, чтобы знали своё место.

Хочешь идти — ступай, Отавис. Но правила добровольной разведки ты знаешь. Погибнешь — хоронить некому, найдёшь что-то дельное — семь десятей барону, а три... ну, это уж как моя душа пожелает.

Он не предложил никакой помощи и даже не удосужился предупредить о конкретных опасностях.

Поль захватил лишь стёртую кирку, потрепанный бурдюк с водой да половинку твёрдого, как камень, чёрного хлеба в запазухе.

На прощание жена Лэанна не заплакала, лишь крепко сжала его руку.

Помни дорогу домой, Поль.

Её серо-голубые глаза напоминали ясную гладь озера на родине зимой.

Даже пятилетняя дочка Эльза повисла на его ноге, задирая личико: Папа, ты принесёшь блестящие сокровища?

Он с улыбкой пообещал всё, что та просила, наклонился, чтобы поцеловать её мягкую щёчку, пахнущую молоком, и крепко обнял жену.

Напоследок Поль бросил взгляд в сторону барака, где спал сын — он так и не решился сказать Лорену правду, — после чего решительно повернулся и зашагал к зловещей, дымящейся горе.

Поль Отавис и представить себе не мог, что этот его поход прославит фамилию Отависов на Земле Потерянных почти на тысячелетие вперёд.

Династия Драконов: Пожалуйста, позвольте мне стать императором!

<http://bllate.org/book/19072/1873290>